

Ша Цяньцянь не ответила напрямую, а сказала:

— Хотя я нахожусь в статусе проститутки, у меня нет никаких обид на Цзян Яньнея. Более того, наши отношения были лишь игрой, и с августа прошлого года мы больше не общаемся. То, что вы просите меня сделать, Ань сяо-нянцзы, противоречит моим принципам.

— Принципы... — сказала Ань Тун. — Вижу, что Ша-нянцзы действительно благородна.

Ань Тун не насмехалась, а искренне восхищалась. Куртизанка, которая придерживается принципов, в то время как Цзян Чэнъань, образованный человек, полный высоких моральных принципов, занимается грязными делами, — она была выше их.

— Почему Ань сяо-нянцзы обязательно хочет расторгнуть помолвку с Цзян Яньнем таким способом?

Ань Тун честно ответила:

— Я оказалась в безвыходной ситуации.

Ань Тун понимала, что Цзян Чэнъань хочет расторгнуть помолвку, но из-за сопротивления семьи Цзян он не может этого сделать. Однако, если семья Ань сама инициирует расторжение, это не только ударит по репутации Цзянов, но и подорвёт доверие к семье Ань. В будущем им будет трудно поднять голову.

Но если обе стороны не будут поднимать вопрос о расторжении, ей придётся столкнуться с опасностью, что её убьют по приказу кого-то из власти имущих.

Если она ради собственной безопасности пожертвует репутацией семьи Ань? Но ведь это не её вина, почему она должна страдать и угождать Цзян Чэнъаню?

«Стрела смерти» уже натянута, и её нужно выпустить. Поэтому Ань Тун решила, что Ша Цяньцянь придётся оставить на усмотрение её родителей.

Ша Цяньцянь, услышав, что Ань Тун говорит о «безвыходной ситуации», но не объясняет подробностей, поняла, что здесь скрываются какие-то семейные секреты, о которых нельзя говорить посторонним.

На самом деле она могла бы помочь Ань Тун, но понимала, что даже если она обретёт свободу, семья Цзян не оставит её в покое. Если Цзяны решат сделать её наложницей Цзян Чэнъаня, будет ли её жизнь лучше?

Исходя из принципов и собственного положения, она не могла согласиться на предложение Ань Тун.

— Если Ша-нянцзы не хочет заключать эту сделку, то я попрощаюсь, — сказала Ань Тун.

— Подождите, — вздохнула Ша Цяньцянь, её выражение стало холодным.

Ань Тун не понимала, почему она изменилась, но услышала, как Ша Цяньцянь сказала:

— Как и Ань сяо-нянцзы, я оказалась в безвыходной ситуации и вынуждена согласиться.

Ань Тун удивилась:

— Почему Ша-нянцзы внезапно изменила решение?

— Ещё до того, как я послала за вами, кто-то сказал мне, что если я не хочу, чтобы Хуа Юаньвай узнал, что его дела связаны с Обителью Цайвэй, то мне лучше послушаться вас, — холодно ответила Ша Цяньцзянь.

— Это... — Ань Тун была ошеломлена, но быстро поняла, что это дело рук её родителей.

— Я сначала подумала, что Ань сяо-нянцзы специально пришла выведать у меня информацию, а затем послала кого-то угрожать мне. Но, подумав, я поняла, что вы были искренни и не похожи на того, кто мог бы сделать такое. К тому же вы ничего не знали о делах Хуа Юаньвая, поэтому я поняла, что это не вы.

Ань Тун, напротив, была в недоумении:

— Почему этот человек сказал, что дела Хуа Юаньвая связаны с Обителью Цайвэй?

— После того как Ань сяо-нянцзы расспрашивала о делах Хуа Юаньвая, вскоре все связанные с ним частные проститутки были арестованы. Вы думаете, это не связано с Обителью Цайвэй? — возразила Ша Цяньцзянь. Она явно переоценила умственные способности Ань Туна.

После того как Ань Тун расспросила свою подругу об этих делах, она попросила её спрятаться. К счастью, это не дошло до ушей Хуа Дяня, иначе её жизнь стала бы действительно трудной. Но продолжать так было нельзя. Поскольку уже пятый человек знал об этом, рано или поздно это дошло бы до Хуа Дяня, и ей нужно было думать о будущем.

Ань Тун вернулась домой и спросила Ли Цзиньсю об этом. Та призналась, и Ань Тун почувствовала досаду:

— Мама, я говорила, что сначала попытаюсь её убедить. Если мы будем угрожать ей, то чем мы лучше злодеев?

Ли Цзиньсю не видела ничего плохого в своих действиях:

— Ты уже пыталась её убедить, и я дала ей несколько дней на размышления. К сожалению, её размышления не дали результата, и мне пришлось принять более жёсткие меры. Это для её же блага, чтобы, обретя свободу, она могла какое-то время скрываться. Иначе, когда Хуа Дянь узнает о ней, её ждёт только смерть.

Ань Тун понимала, что Ли Цзиньсю права, но чувствовала, что предала свои принципы. Она утешила себя тем, что всё равно собиралась действовать «сначала вежливо, потом жёстко», и Ли Цзиньсю просто сэкономила время.

— Мама, как ты узнала, что дела Хуа Дяня связаны с Обителью Цайвэй?

— После того как ты рассказала нам о том, что Хуа Дянь и частные проститутки были разоблачены, я подумала, что это связано с тем, что ты рассказала нам после первого визита в Дом Цзиньлань. Поэтому я послала кого-то, чтобы припугнуть Ша Цяньцзянь.

Ань Тун ахнула: её мать действительно была злодейкой! Нет, как она могла так думать о своей матери!

Ли Цзиньсю же думала, что об этом знали только четверо, и те двое из Обители Цайвэй вряд

ли рассказали бы. Учитывая характер её дочери, она вряд ли стала бы заниматься такими делами. Поэтому наиболее вероятным кандидатом была...

Сюй Сянжу?!

Ша Цяньцянь отправила письмо, приглашая Цзян Чэнъяня в Обитель Цайвэй. Цзян Чэнъянь, руководствуясь принципом «он не сделает ничего плохого Шао Жу», отправился на встречу. Вскоре после этого Ша Цяньцянь снова заболела и воспользовалась этим, чтобы попросить губернатора Цюйчуана снять с неё статус проститутки.

Губернатор Цюйчуань изначально не хотел соглашаться, но в это время в регионе находился чиновник из транспортного комиссариата, который инспектировал дела, связанные с сельским хозяйством и налогами. По обычаю, губернатор должен был пригласить куртизанок для развлечения. Чиновник заметил, что Ша Цяньцянь выглядит подавленной, и спросил, в чём дело. Узнав, что она больна и хочет избавиться от статуса проститутки, он предложил ей сочинить стихотворение. Если она сможет сделать это на месте, он передаст её просьбу комиссару по транспорту, чтобы тот решил её судьбу.

Ша Цяньцянь, обладая талантом, быстро сочинила стихотворение, и чиновник был впечатлён. Не дожидаясь, пока он передаст просьбу комиссару, губернатор Цюйчуань поспешил согласиться снять с неё статус проститутки.

На самом деле чиновник был лишь мелким служащим восьмого ранга, и даже уездный начальник Таоцзяна был выше его по рангу. Губернатор Сюй вовсе не обязан был его слушать. Но чиновник был служащим транспортного комиссариата, и хотя его ранг был ниже, он мог наговорить на губернатора перед комиссаром.

Как и придворные, которые не хотели ссориться с приближёнными императора, губернатор Сюй не хотел ссориться с мелким чиновником и решил пойти ему навстречу, согласившись с просьбой Ша Цяньцянь.

Сам чиновник тоже был не уверен, ведь если бы он обратился к комиссару, тот мог бы проигнорировать его. Но, воспользовавшись своей должностью, он смог запугать губернатора Цюйчуаня, и к счастью, губернатор Сюй был не из тех, кто строго следует закону, иначе у чиновника не было бы такого шанса.

Известие о том, что Ша Цяньцянь избавилась от статуса проститутки, вызвало большой ажиотаж в уезде Таоцзян и даже в Цюйчуане. Многие приходили к ней, чтобы спросить, правда ли это, и почему она решила избавиться от статуса проститутки. Конечно, многие поздравляли её с возвращением к нормальной жизни, а некоторые предлагали большие деньги, чтобы взять её в наложницы, но она отказалась.

Ша Цяньцянь закрылась от гостей, и это только усилило любопытство. Люди стали расспрашивать и узнали, что последним её гостем был Цзян Чэнъянь.

Это заставило многих обратить внимание на Цзян Чэнъяня, и Сюй Шаньин даже спросил его:

— Не заключил ли ты какое-то соглашение с Ша Цяньцянь?

Цзян Чэнъянь ответил:

— Она пригласила меня обсудить дела, связанные с поэтическим собранием в июле. Вскоре после моего ухода она заболела. Что касается её избавления от статуса проститутки, я

действительно не знаю об этом.

К сожалению, кроме его друзей, никто не верил ему, ведь чиновник, который помог Ша Цяньцян, когда-то учился у его деда. Они считали, что Цзян Чэньань захотел спасти Ша Цяньцян от её судьбы и попросил чиновника повлиять на губернатора Цюйчуаня, чтобы та избавилась от статуса проститутки.

Когда Цзян Чэньань собирался спросить Ша Цяньцян о правде, слухи об их прошлых отношениях дошли до деревни Фуцю. Староста Ань был в ярости, а уездный воевода Цзян пошёл к второму дяде Ань, чтобы попросить его успокоить старосту, сказав, что всё это в прошлом.

<http://bllate.org/book/16381/1482647>